

много, „восхитившего“ престол у Рюрика Ростиславича. Заметно и его явно неблагожелательное отношение к князьям галицко-волынским — Роману и Данилу. Романа он сурово осуждает за его поступок с киевским князем Рюриком Ростиславичем, за его желание „быти нарицаем всея России самодержец“, за его попытку перенести столицу „Российскаго самодержавия“ в Галич; этим он подал повод к „нестроению и спору“ среди князей, а затем и к оккупации „престола Российскаго самодержавия“ венграми. Холодно и сухо пишет он и о Даниле Романовиче, бегло перечисляя основные события его княжения (основание Львова, венчание на королевство, почтение от Батюя). Роман и Данило „писались“, по словам автора, „самодержцами всея России“, однако своей политикой отмежевания от Киева, своим стремлением перенести центр политической жизни из Киева в Галич они посеяли в стране „разделение“ и тем самым только ускорили конечное „уничужение“ Киевского государства.

Период упадка Киева теперь, в наши дни, писал автор „Синописа“, закончился, когда двадцать лет тому назад, в 1654 году, сам бог царю Алексею „искони вечную скипроносных прародителей его отчину царственный той святой град Киев в его скипроносныи царский руке, яко природное царское его присвоение возврати“. Древняя столица „Российскаго самодержавия“ теперь снова обрела, после долгих лет „уничужения“, свое первоначальное „царственное бытие“. На будущее автор смотрит оптимистически. Он уверен, что для Киева наступают новые времена. Возвращение Киева его законному наследнику — знак того, что „милость господня с небесе прииче на первоначальный всея России царственный град Киев и начат его обетшалу оную скипроносную державу, яко орлю юность обновляти“ (стр. 120—121).

Обращает на себя внимание более чем сдержанное отношение автора „Синописа“ к шляхетской Польше. Печальная роль, какую сыграла Польша в истории Киевской земли, подчеркнута автором везде, где только материал давал для этого повод. Короли польские, „гетманы“ и „сенаторы“ не раз разоряли Русскую землю. Они ссорили князей между собой, стремясь ослабить страну и вызвать в ней „разделение“. Они, наконец, явились главными виновниками „уничужения“ Киевского „самодержавия“, постепенного превращения его „от царствия в княжение, а от княжения в воеводство“. Наиболее показателен в этой связи рассказ „Синописа“ о князе Ярополке Владимировиче, как он „прелщен“ был от Петра Влостовича — „сенатора“ короля польского Болеслава Кривоустого.¹ Этот Петр Влостович, когда король „с своими сенаторами“ обсуждал вопрос о нападении на Русское государство, предложил захватить Ярополка „лестью“ — „наипаче тайным промышлением, нежели явною войною“. С согласия короля он бежал на Русь, „аки бы разграбленный и изгнанный з отчизны своей“. Здесь он вкрася в доверие к Ярополку, в его „тайные советы“ и „верное дружество“, непрестанно укоряя Болеслава „хулными словесы“. Однажды Ярополк поехал в свое загородное село с немногочисленными людьми, вместе с ним отправился туда же и Петр Влостович. Когда Ярополк „в малой дружине“ сел обедать, Петр Влостович привел в исполнение свой коварный умысел: он схватил Ярополка, связал его и, „на коня

¹ О происхождении этого рассказа, отсутствующего в русских летописях, см.: П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е, СПб., 1913, стр. 8.